

Е. В. Харитонова

ТИПОЛОГИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В СКАЗАХ П. П. БАЖОВА

В современных гендерных исследованиях «мужское» и «женское» воспринимается как категории не столько биологического, сколько социального порядка. Изучение половозрастного аспекта культуры неизбежно при обращении к фольклорным материалам, а также при исследовании традиционной словесности.

Тендерная система, представленная в сказах П. П. Бажова, репрезентативна. Она включает в себя модели мужского и женского поведения (гендерные роли), представления о нормативно мужском и нормативно женском (гендерные стереотипы), отображает процесс становления гендерной идентичности (гендерную социализацию), позволяет проследить историю тендерных отношений в рамках одной человеческой жизни.

Система женских персонажей в сказах П. П. Бажова разветвлена и многообразна. Прежде всего отметим, что женские образы функционируют как на уровне, условно говоря, реального, так и на уровне сверхъестественного. Так, антропоморфные фантастические персонажи имеют преимущественно женскую форму манифестации: девка-Азовка, Золотой Волос, Голубая змейка, Хозяйка Медной горы, Огневушка-поскакушка, бабка Синюшка, Веселуха.

Очевидно, что представительницы Тайной силы принадлежат к разным возрастным группам: Огневушка-Поскакушка - «девчоночка махонькая» [I, 254]¹, Золотой Волос - «девица красоты невиданной, неслыханной» [I, 325], «Хозяйка Медной горы - «девка» [1,53-54], Веселуха - «не то девка, не то молодуха [II, 43], Голубая змейка— «женщина» [1,273], биосоциальный статус девки-Азовки и бабки Синюшки отражен в самом имени персонажа, однако бабка Способна «красной девкой оборачиваться», она «всегда старая, всегда молодая» [I, 293].

Женские фантастические персонажи контактируют преимущественно с мужчинами: Огневушка-Поскакушка помогает Федюньке найти золото, Голубая змейка также показывается мальчикам; в образе Хозяйки Медной горы появляется функция волшебной помощницы, однако помогает Хозяйка только холостым мужчинам, поэтому отношения Хозяйки о молодого мастера всегда рассматриваются не только в социальном, этическом, но и в гендерном аспекте. С женщинами Хозяйка практически не контактирует: встреча с Катей осмысливается как исключительная. К тому же, контакт Катерины с Хозяйкой возможен только после того, как Катя совершит некоторые «неженские» действия — поступки, которые с точки зрения поселковой морали маркируются как нетипичные для женщины: она идет жить в избу к старому мастеру Прокопичу, приемному отцу Данилы, учится работать по камню, сама идет добывать камень, сама сдает поделку в лавку в городе.

Мир женских фантастических персонажей и «реальный» женский мир находится в состоянии потенциального конфликта, который актуализируется в ряде сюжетных ситуаций. Так, мужчина оказывается перед необходимостью выбора между Хозяйкой и реальной девушкой, В этом случае и Хозяйка и заводская девушка признают себя невестами и смотрят на парня как на возможного супруга, поэтому, по словам В. В. Блажеса, «разговор Катерины с Малахитницей напоминает перебранку поселковых девушек, поссорившихся из-за парня» [Блажес, 1982, 59].

Уровни «сверхъестественного» и «реального» находятся в отношениях со - и противопоставления, поэтому здесь со всей очевидностью выражается сущностная позиция свое / чужое. Антиномичность женских миров прослеживается и в речи повествователя (у Хозяйки «коса ссиза-черная и не как у наших девок болтается, а ровно прилипла к спине» [I, 51]) и в речи персонажей (Настасья говорит о Танюшке: «Красота-то – красота, да не наша [I, 62]). На уровне социальных отношений система женских образов создается с учетом стадильности женской жизни.

Образы девочек в сказках Бажова немногочисленны. Любопытна, на наш взгляд, авторская номинация этих героинь — «девчоночка».

Так, рассказывая о Танюше, повествователь отмечает: «По Степану шибко эта девчоночка убивалась» [I, 62]. Таютка - «девчоночка... востроглазенькая да здоровенькая [I, 182]. Даренка - «девчоночка по шестому году [I, 296]. Портретные характеристики «девчоночек», рассказы об их судьбах, сложившихся непременно удачно, согреты особым теплом, ласковостью авторской интонации. Обращает на себя внимание, что Таютка и Даренка – сиротки: у Таютки умерла мать, Даренка – круглая сирота. Рядом с образами сироток возникает образ злой мачехи как потенциальной или актуализированной угрозы благополучию сироты. Так, Ганя Заря, отец Таютки, страдая от отсутствия женщины в доме, не решается жениться вторично, поскольку дочь «забавуха растет, а мачеха придет — все веселье погасит» [I, 183]. В сказе «Серебряное копытце» хозяйка семьи, в которой живет осиротевшая Даренка, выполняет функции злой мачехи: «Вот хозяйка и взъедается на сиротку, попрекает ее куском-то» [I, 296]. Образ злой мачехи появляется также в сказе «Огневушка-Поскакушка»: «Мачеха попалась, прямо сказать, медведица. Федюньку и вовсе от дома отшибло» [I, 257]. В сказе «Шелковая горка» функцию мачехи выполняет Фетинья, управляющая рукодельней, в которую «брали больше сироток, а когда и девчонок из многодетных домов» [II, 99]. Как типичная злая мачеха, Фетинья стремится известить осиротевшую Марфушу. Образ девочки-сироты в сказках П. П. Бажова коррелирует с образом невинно гонимой падчерицы в волшебной сказке. Наследуя сказочную традицию, П. П. Бажов решает образ мачехи в негативном и крайне схематизированном ключе. Вероятно, жанровый канон сказки влияет и на счастливые финалы сказов, где действуют девочки-сироты: рассказчик сообщает, что дальнейшая жизнь сироты сложилась благополучно. Так, «Васенка... замуж за хорошего парня вышла. С ним и до старости прожила, детей и внуков вырастила» [I, 283]. Таютка «свою жизнь не хуже других прожила. Зеркальце-то своей внучке передала» [I, 193].

Следующая стадия жизни — «подлетки» (подростки). Это возрастная группа встречается в сказках П. П. Бажова на уровне беглого упоминания. Едва ли не единственным индивидуализированным образом девочки-подлетка является образ Васенки, героини сказа «Ключ земли». По словам рассказчика, она «еще далеко до невест не дотянула. Подлеток еще, годов может тринадцати, много четырнадцати [I, 278]. Жизнь Васенки незавидна прежде всего потому, что у нее нет семьи, а положение ее матери - двусмысленно: «Мать-то у ней вроде стряпухи при щегарской казарме была приставлена, а про отца Васенка вовсе не знала. Таким ребятам известно, какое житье... Самой горькой жизни девчонка. Хуже сироты круглой» [I, 277]. У Васенки «открылся большой талант на камни» [I, 277]. Васенке лучше других удается находить дорогие камни, за это она получает прозвище Счастливый Глазок. Обычно удачливость в горно-рудничном деле - преимущество мужчин-мастеров: в сказе «Горный мастер» Катерине удается добыть камень, но с помощью Данилы (мотив чудесной помощи мертвеца); Таютке достается «зеркальце», однако ее отец и другие горщики тщательно соблюдают в шахте этикетные нормы: одевают девочку в одежду мальчика, называют мужским именем-отчеством. В данном же случае автор прибегает не столько к художественным, сколько к идеологическим мотивировкам: Васенка, страдая от притязаний на нее главного щегаря, уходит зимой с рудника, замерзает и видит «сон наяву»: под землей на каменном столе поочередно оказываются различные камни, последним появляется «камешок... на пять граней» [I, 281], имеющий форму звезды. В финале сказа Васенка выполняет функцию героя-идеолога: она рассуждает о камне-ключе земли, который сам окажется в руках того, кто поведет народ по правильному пути за своей долей» [I, 282].

Образы девушек в сказках П. П. Бажова многочисленны. В речи рассказчика и персонажей используются следующие номинации героинь этого возраста: «девка», «девица», «деваха», «девушка». Все эти определения концептуально синонимичны. Как известно, возраст девушки от

совершеннолетия до вступления в брак народное сознание осмысляло как решающий этап ее жизни и неизменно соотносило с брачной семантикой. Жизненные нормы, модели поведения девушки регламентировались традиционным народным сознанием. В основе как коллективных, так и индивидуальных норм поведения, касающихся взаимоотношения юношей и девушек, лежал традиционный взгляд на семью как на важнейшее и неперемutable условие жизни каждого человека. Семья воспринималась как основа правильного (традиционного) уклада жизни, отсюда и ориентация системы поведения молодежи в добрачный период на развитие тех отношений, которые должны завершиться вступлением в брак. Через механизм людской молвы, через речь рассказчика автор выражает народное отношение к бессемейности. Так, в словах соседок, обращенных к Настасье, вдове Степана, чувствуется насмешка, укор: «Что это у тебя Татьяна шибко высоко себя повела?.. На парней глядеть не хочет. Царевича-королевича ждет аль в Христовы невесты ладится?» [I, 69]. Поселковая этика предписывала девушке выход замуж до определенного возраста. Эта установка получила отражение и в сказах П. П. Бажова. Так, Прокопич укоряет Данилушку: «Что ты девушку позоришь? Который год она в невестах ходить будет? Того и жди - пересмеивать ее станут. Мало смотниц-то?» [1, 97]. Если девушка не выходит замуж до определенного возраста, она считается перестаркам, остается незамужницей – это еще один вариант развития женской доли: «Катя... незамужницей осталась... Она и вовсе из невестинской поры вышла. За двадцать-то годов, по-нашему по заводскому, перестарком считается. Парни таких редко сватают, вдовцы больше» [1,102]. Незамужницей остается и Аленушка, героиня «Ермаковы лебеди», однако причина одиночества здесь иная: Алена как идеальная фольклорная героиня ожидает своего возлюбленного – атамана Ермака Тимофеевича, поэтому негативных коннотаций безбрачия не возникает. Образы девушек в сказах П. П. Бажова близки к идеальной ипостаси девушки-невесты, воплощенной в русском фольклоре: таковы Дуняха («Травяная западенка»), Катерина («Горный мастер»), Оксютка («Иванко Крылатко»), Марфуша Зубомойка («Щелковая горка») и др. Эти девушки веселы, смышлены, трудолюбивы, хозяйственны, верны своим возлюбленным, самоотверженны - таков этический женский идеал, сформированный народным сознанием. В сказе «Ермаковы лебеди» появляется образ «обманной девки» — воеводиной дочери: «Бывает ведь, — и лицом цветок, а нутром — головешка черная. Эта деваха хоть ласково на Василия поглядывала, а на уме свое держала» [I, 311]. «Обманная девка» кичится своей красотой, гордится умением обманывать парней, она неискренна – поэтому ее осуждает общественное мнение.

Выйдя замуж, девка становится бабой. Эта номинация обозначает женщину как таковую; «баба» - определение одновременно половозрастного и социального статуса. Образ бабы в сказах П. П. Бажова также идеализирован. Настасья («Малахитовая шкатулка»), Катерина («Хрупкая веточка»), Глафира («Золотые дайки»), Татьяна («Марков камень»), Марьюшка («Аметистовое дело») - женщины работающие, хозяйственные, заботящиеся о детях, ладящие с мужьями. В сказе «Сочневы камешки» появляется негативный образ «сочневой женешки». Она бесхозяйственна, ей «до дому дела нет», рассказчик пренебрежительно называет ее «беспелухой» [I, 160]. «Сочнева баба» не ладит с мужем: «Он ей тычка дал и всяко выкорил» [I, 161]. У этой семейной пары не было детей; рассказчик - носитель народной этики – сообщая об этом будто бы мимоходом, дает оценку супругам: «Ребят, конечно, у них вовсе не было. Где уж таким-то» [I, 158]. Кроме того, в сказах появляется упоминание о бабешках. На наш взгляд, это бабы, которыми овладела зависть. Так, в сказе «Малахитовая шкатулка» рассказчик ведет речь о красоте Танюшки: «Вот и росла та девчоночка на примете у людей... Самые завидующие бабешки, и те любовались. Ну, как, - красота. Всякому мило» [I, 62]. Героиня сказа «Ключ земли», Басенка, обладает редким даром находить камни: «От Васенкиной удачи другим девкам-бабам не сладко. От начальства прижимка... Бабешки, чем бы добром подучить Васенку, стали ее клевать» [1,278]. Персонажи сказа «Марков камень», Марк и Татьяна, живут счастливо: «Другим девкам-бабам завидно было... Заводские

наши бабешки, кои поближе стояли, зашушукали и над Татьяной уж насмешки строят» [II, 207]. В сказе «Тяжелая витушка» Василий, рассказывая о гибели жены, упоминает о «бабенках»: «Бабенки появились, прилипать ко мне стали. Маринушке моей это обидно, конечно» [II, 231]. Очевидно, как и в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка, в сказах П. П. Бажова номинация «бабенка» обозначает «гулящую» бабу. Однако это едва ли не единственное появление в сказах женщины «легкого» поведения. В определении «бабочка» ощутимы положительные коннотации — это, как правило, молодая женщина, работающая, веселая, ласково относящаяся к мужу. Так, дедушко Бушуев («Иванко Крылатко») называет Оксютку «отменной бабочкой»: «Как пара коньков с Иванком в житье веселенько бегут. Ребят хорошо растут» [II, 40]; Татьяна («Марков камень») — «ласковая... бабочка, веселая [II, 207].

Обращает на себя внимание лейтмотив «ладной» — гармоничной, счастливой — семейной жизни. Мужчины — персонажи сказов — бережно относятся к женам, однако на втором плане возникает тема женского битья. Так, Иван Долган, герой сказа «Аметистовое дело», рассуждает: «А бить ее, как иные-прочие делали, у меня в заведенье не было, да и не такой мы судьбы, чтобы об этом даже подумать» [II, 167]. Таким образом, битье женщин было типичным явлением, которое, однако, выходит из авторского поля зрения. Марк («Марков камень»), раздосадованный тем, что барыня Колтовчиха осрамила его перед народом и Татьяна «сглупа насмех поставила» [II, 208], ударил жену. Однако этот эпизод воспринимается как исключительный: Марк и Татьяна живут в любви и согласии, барыня вносит в их семью временный раздор, затем семья воссоединяется. Тема битья женщин из семейно-бытового плана переводится в собственно социальный: Шарлову жену («Надпись на камне») забивают до смерти, поскольку она не желает исполнять прихоти «приказчика-палача», вдову Шавриху («Травяная западенка») бьют, так как хотят выведать у нее тайну малахитовой ямки.

В сказе «Тяжелая витушка» появляется образ Марины — жены рассказчика. Весьма репрезентативно сопоставление первой и второй жен: «Нонешняя-то старуха у меня другая. Так уж, для домашности ее взял, а тогда у меня жена настоящая была. Смолоду женился, вместе горе мыкали. Славная она у меня была и в рудничном деле бывалая» [II, 226]. Любопытно, что «нонешняя... старуха» в отличие от «настоящей жены» остается безымянной. В соответствии с канонами народной этики Василий не говорит о своей любви к жене; проявление любовного чувства героя скорее ощущается читателем в сопоставлении жен, в прилагательном «настоящая», выполняющем функцию эпитета.

В образе барыни также ощутим социально-классовый колорит: Паротина баба («Малахитовая шкатулка»), умойная баба («Травяная западенка»), заграничная барыня («Таюткино зеркальце»), барыня Колтовчиха («Марков камень»), тетка Каролинка («Чугунная бабушка»), жена Аносова («Коренная тайность») все эти образы барынь решены в негативном ключе; многие из них становятся объектом осмеяния для персонажей и рассказчика.

Ситуация вдовства в рамках традиционного жизненного уклада была подлинно трагичной: женщина становилась социально незащищенной, сиротой (так именовали себя вдовы), лишалась заступника. Мотив лишения заступника влечет за собой как социальную незащищенность вдовы, ее беспомощность, так и одиночество. Так, вдову Шавриху («Травяная западенка») долго «мытарили», считая, что она знает тайны мужа; Настасье («Малахитовая шкатулка») едва удается прожить одной с детьми.

Образы старух в сказах П. П. Бажова не особенно многочисленны, но очень выразительны. Бабушка Вихориха («Каменный цветок»), бабка Лукерья («Синюшкин колодец»), бабка Анисья («Чугунная бабушка») выполняют важную социокультурную функцию: они являются хранительницами мировоззренческого и социального опыта. Так, бабушка Вихориха первой рассказывает Даниле о каменном цветке; Бабка Лукерья, давая Илье наставления, упоминает о

бабке Синюшке, чугунная фигурка бабки Анисьи способна вступать в диалог с потомками, рассказывать о работе искусных мастеров. В сказе «Сочневы камешки» появляется образ бабки Колесишки - это комический двойник бабушки Вихориhi. Колесишка - лжеведунья, она не обладает тайным знанием. В сказе «Дорогой земли виток» возникает весьма колоритный образ бабки Кумиды. Эта старуха, вступившая в партизанский отряд, оказывается замечательной лекаркой. Как и другие старики и старухи в сказах П. П. Бажова, ее действия и рассказы выполняют функцию «связи времен»: «Послушаешь, - будто дело прошлое, а подумаешь, - как раз тебе это и сейчас надо» [II, 268].

Кроме ярких, индивидуализированных образов в сказах П. П. Бажова присутствуют собирательные обозначения девушек и женщин вообще, - определенных половозрастных групп. Повествователь называет их «девушки», «подружки», «бабы», «соседки». Тот или иной колоритный образ создается на имперсональном фоне. Так, Катерина – невеста Данилы – изображается на фоне «девушек», «подружек невестиных» [1,102]. Марьюшка, героиня сказа «Голубая змейка», появляется в окружении гадающих девушек», «подружек», «девчонок» [I, 265]. В сказе «Малахитовая шкатулка» помимо образа Настасьи, присутствует упоминание о «бабах», «суседках». Кроме того, в ряде текстов возникает наименование «девки-бабы» [I, 109], [I, 278], «бабы-девки» [II, 207] очевидно, обозначающее женскую субкультуру как таковую.

Итак, типология женских образов в сказах П. П. Бажова формируется с учетом стадийности женской жизни. В основе системы женских образов лежат этические нормы традиционной культуры. На специфике женских образов в сказах П. П. Бажова оказала влияние современная автору социокультурная и собственно литературная ситуация, в частности, своеобразие жанра сказа.

¹ Все цитаты текстов приводятся по изданию: Бажов П. П. Соч.: В 3 т. М., 1976 с указанием тома и страниц.

Бажов П. П. Соч.: В 3 т. М., 1976.

Блажес В. В. Бажов и рабочий фольклор. Свердловск, 1982.